

курса в советско-германских отношениях. VI съезд НДП в декабре 1925 года одобрил Локарнский пакт как «перемирие» в Европе.

Заключение 24 апреля 1926 года Берлинского договора о нейтралитете между СССР и Германией имело большое значение для укрепления рапальской политики. Он притупил антисоветское острое Локарно. Германия вступала теперь в Лигу Наций с оговоркой о том, что сама определяет возможность участия в санкциях по статье 16 устава этой организации. Фракция НДП в рейхстаге одобрила Берлинский договор. «Фоссише Цайтунг» напечатала весь текст договора и отметила, что он укрепляет «дух Рапалло» в отношениях двух стран⁹. «Франкфуртер Цайтунг» также позитивно оценила Берлинский договор. Несколько иную позицию заняла «Берлинер Тагеблатт». Т. Вольф в статье «Договор с Россией» писал, что не провал первой попытки Германии вступить в Лигу Наций повлек за собой подписание соглашения с СССР, а стремление Веймарской республики жить в мире и дружбе как с Востоком, так и с Западом. При этом автор считал, что идти на союз с Россией опасно для внутривнутриполитического развития Германии¹⁰. Наиболее реалистическую оценку договору о нейтралитете дал Э. Леммер. Он подчеркивал: «Настоящий фундамент для необычайно плодотворно развивающихся отношений между рейхом и Советским Союзом заложен лишь 24 апреля 1926 года»¹¹. Однако некоторые лидеры НДП пессимистически оценивали Берлинский договор. Так, А. Эркеленц в партийном журнале «Ди Хильфе» охарактеризовал его отрицательно, заявив, что дружба с Россией — это иллюзия, «на Западе мы к этому времени потеряли больше, чем выиграли на Востоке»¹². Э. Кох-Везер отозвался о договоре как о «вопросе престижа» для Германии в связи с провалом ее вступления в Лигу Наций в марте 1926 года. Он отметил, что соглашение с Россией было уступкой Немецко-национальной народной партии, которая не одобряла локарнской политики.

Таким образом, в политике Немецкой демократической партии по отношению к СССР в 1924—1926 годах появились три тенденции. Сторонники западной ориентации Германии считали Рапальский договор невыгодным для своей страны. Они выступали за тесное сотрудничество с Западом на основе Локарнских соглашений. Представители второй тенденции, преобладавшей в НДП, рассматривали Локарно как необходимый шаг на пути примирения с Францией и Англией при одновременном сохранении рапальского курса в советско-германских отношениях. Поэтому демократическая партия в целом одобряла внешнюю политику Г. Штреземана. В противовес наметившемуся сближению с западными державами ряд видных деятелей НДП подчеркивали жизненную необходимость взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Германией в «духе Рапалло».

¹ B ä u m e r G. Grundlagen demokratischen Politik. Karlsruhe, 1928. S. 68.

² Koch - W e s e r E. Deutschland Aussenpolitik in der Nachkriegszeit. 1919—1929. Berlin, 1929. S. 122.

³ Verhandlungen des Reichstags. Berlin, 1926. Bd. 389. S. 5727.

⁴ Linksliberalismus in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1980. S. 245.

⁵ M e i n e c k e F. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1958. S. 399—400.

⁶ Koch - W e s e r E. Deutschlands Aussenpolitik in der Nachkriegszeit. S. 85; 96.

⁷ Vossische Zeitung. 1925. 4. Oktober.

⁸ Frankfurter Zeitung. 1925. 16. Oktober (Erste Morgenblatt)

⁹ См.: Vossische Zeitung. 1926. 25. und 27. April.

¹⁰ См.: Berliner Tageblatt. 1926. 18. April (Morgen-Ausgabe).

¹¹ Lemmer E. Manches war doch anders. Frankfurt am Main, 1968. S. 107.

¹² H u b e r W. Gertrud Bäumer.— Augsburg, 1970. S. 284.

Е. Д. СМЕРНОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ 70—90-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

К последней трети XVIII века чешско-русские контакты имели длительную и богатую историю¹. «Едва ли не тысячелетний процесс развития русско-чешских отношений можно разделить на несколько периодов,

в зависимости от форм и средоточий русского культурно-политического развития. Русь Киевская, Русь Галицкая, Литовско-русское государство, Московское государство и Российская империя — таковы исторические рамки и грани этих периодов»². В зависимости от социально-экономического и внешнеполитического факторов менялся характер, формы, интенсивность, динамизм чешско-русских связей. В условиях светской культуры XVIII века этот процесс нашел отражение в русской периодической печати. По свидетельству русских журналов, Австрийская монархия конца XVIII века, в состав которой входили и Чешские земли, представляла собой: «Двадцать два миллиона людей, состоящие из 15 разных народов, у которых язык, предрассудки, народная гордость, климат, употребления, законы, нравы, дух и образ мыслей — были совершенно между собой различные»³.

XVIII век стал в судьбе чешского народа началом эпохи «национального возрождения» — периода перехода от феодализма к капитализму, формирования наций, выработки национального самосознания и подъема национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, условно датируемого 80-ми годами XVIII века (начало) и 1848 годом (окончание). Разложение основ феодально-крепостнического строя и капитализация экономики стали характерными чертами развития и Австрийской монархии Габсбургов. Классовые интересы крепнущей буржуазии отражали идеи Просвещения. В 40-х годах XVIII века эти идеи находят почву в Габсбургской монархии. Наиболее благоприятная обстановка для развития просветительской идеологии переходного периода сложилась в годы правления императрицы Марии Терезии (1740—1780) и ее сына Иосифа II (1780—1790). Идеи Просвещения были поддержаны рядом влиятельных лиц при дворе Марии Терезии — государственным министром Кауницем, лейб-медиком императрицы Герхардом ван Свитеном и др. Их предложения легли в основу ряда мер, составивших систему австрийского «просвещенного абсолютизма», в котором государственная инициатива императора и его советников играла решающую роль. «Области, в коих проповедуются римско-католическое учение, — отмечал О. П. Козодавлев в журнале «Растущий виноград», — до сего времени в просвещении от прочих немецкой земли областей отставали, но мудрым попечением императрицы королевы Марии Терезии и ныне царствующего сына ее, императора Иосифа II, приняты к просвещению подвластных им народов весьма надежные меры»⁴. Для философов и просветителей XVIII века Иосиф II был «совершенным монархом»... даровавшим своим подданным веротерпимость, секуляризовавшим монастыри, освободившим печать от гнета духовной цензуры»⁵.

По мнению еженедельника Федора Туманского «Зеркало света», важные изменения произошли в системе образования и просвещения: «Старания императора о просвещении народа заслуживают благодарность от человечества. В одной нижней Австрии находится около ста тысяч учеников и по всем деревням заведены школы, по уездным городам гимназии, а по губернским университеты, и для собрания при каждом университете библиотеки назначена довольная сумма с предписанием, все нововходящие книги и сочинения покупать, а для разбору книг и бумаг, в уничтоженных монастырях находящихся, определены ученые люди. Свобода книгопечатания процветает и нет угнетения в мыслях и рассуждениях»⁶. «В Императорских областях училища наслаждаются непрерывным о них попечением, — сообщает «Политический журнал» (ежемесячник Московского университета) в 1790 году, — и можно считать миллионы, которые, ... ежегодно употребляются на построение училищных домов, на содержание учителей и т. д. ... В 1788 году в Богемии... построено 95 новых училищных домов, 20 распространено и поправлено, и 223 учителя наставлены в способе обучения»⁷. По данным того же журнала, в 1788 году в Пражском университете обучалось 1911, и в 15 гимназиях сей земли 1159 человек⁸. «Ни в каком государстве нет еще таких показаний о всеобщем состоянии училищ и учащихся, как в Австрийских областях... Когда нынешнему епископу Лейтмерицкому (в 1775 г.) поручено было главное смотрение за Богемскими училищами, то во всем королевстве едва была тысяча порядочных училищ, а учеников и 30 тыс. не было, но в конце 1789 года находилось уже одно нормальное училище, 20 главных, 42 городских, 3 монастырских, 2168 народных... и 22 частных; следовательно, всего в королевстве 2294 училища, в которые зимою ходили 172 377, а летом 162 053 ученика»⁹.

Благодаря предпринятым в 60—70-х годах реформам была осуществлена перестройка системы образования в духе Просвещения. Австрийская монархия одной из первых в Европе приступила к созданию сети школ на казенные средства. После ликвидации ордена иезуитов (1773) дело воспитания и образования молодого поколения было изъято из рук монашеских орденов. Вместо прежних иезуитских коллегий в селах и небольших городах появились «элементарные» школы с преподаванием на родном языке, училища — в провинциальных центрах — и так называемые «главные» школы — в округах. Реформы системы образования подорвали безраздельное господство церкви в этой области, способствовали приспособлению образования к практическим нуждам общества.

Политика «просвещенного абсолютизма», проводимая венским двором в 1740—1780-е годы, представляла собой систему преобразований в различных областях и включала наряду с реформой системы образования административную, военную, финансовую, экономическую, сословную, судебную, церковную реформы. Ряд декретов начала 1780-х годов (указы об отмене личной зависимости крестьян, о веротерпимости, о ликвидации монастырей и монашеских орденов и др.) устранил препятствия экономическому и социальному развитию общества, открыл некоторые возможности для оживления общественно-культурной жизни Чешских земель, ограничил власть католической церкви.

Указ о «веротерпимости» от 13(25) октября 1781 года объявил «терпимыми» протестантскую и православную религии. Из рук духовенства была изъята и смягчена цензура. «До нынешнего года, — характеризовал состояние религиозного вопроса в австрийских областях журнал «Зеркало света», — оставалось монастырей мужских 1443, женских 603, а всех оных, от мира сего удалившихся, 27 432. В числе жителей, которые почти все закона римско-католического, находится лютеран 80 000»¹⁰. «Духовное состояние Богемии, — писал корреспондент «Политического журнала», — заключается в следующем. В пяти епархиях сего королевства находится 1 744 духовных пастырей, сверх 32-х полковых священников. В 1780 году было в Богемии 180 монастырей, но теперь только 81. В одной Праге было прежде 37 монастырей, а теперь осталось их только 13. Некатолики имеют в Богемии 44 пастыря душ своих, из коих 32 реформатского исповедания, а прочие лютеранского»¹¹.

На рубеже XVII—XVIII веков в Чешских землях появляются первые централизованные мануфактуры. А на исходе XVIII столетия с началом промышленного переворота Чехия становится одним из самых экономически развитых районов Австрийской монархии, и это отмечает русская пресса. В 1791 году на страницах «Политического журнала» появляются сведения о хозяйственном развитии Чешских земель: «В 1785 году на фабриках и мануфактурах занималось вообще 86 829 человек, а в 1788 году — 121 799. Несчитаемых, в том числе работников, прывших лен, хлопчатую бумагу и шерсть, было в первом году 219 869, а в последнем — 313 843 человека, число рабочих станов в первом простиралось до 37 438, а в последнем до 51 935»¹². Наряду с публикациями, дающими представление о состоянии производительных сил города, в русских журналах появлялись сообщения и о состоянии сельского хозяйства Чешских земель.

Итак, в русской периодической печати последней трети XVIII века нашли отражение важные моменты социально-экономического и внутриполитического развития Чешских земель. На страницах прессы были обстоятельно и своевременно освещены реформы Марии Терезии и Иосифа II, хозяйственная жизнь страны. Сведения о положении Чешских земель несомненно представляли общеобразовательную и научно-историческую ценность для русского читателя того времени.

¹ См.: *Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917*. Praha, 1967; Kurfürst F. K česko-ruským stykům koncem století XVII a počátkem století XVIII. Praha, 1936; Jirásek Y. Ruska a my. *Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914*. 2 vyd. Praha; Brno, 1945—1946. Díl. 1—4; Mylníkov A. S. K otázce česko-ruských vztahů v období osvícenectví (Vznik, obsah, formy) // *Ceska literatura*. 1973. N 6; Первольф Й. Славяне, их взаимные отношения и связи: Очерки истории славян до XVIII в. Варшава, 1886. Т. 1; Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1947.

² Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне в X—XVIII веках // *Вопросы истории*. 1947. № 8. С. 66.

³ Краткое начертание жизни императора Иосифа II // Политический журнал. М. 1790. Ч. III. С. 349.

⁴ Козодавлев О. П. Рассуждение о народном просвещении в Европе // Рас-
тущий виноград. СПб. 1785, июль. С. 74.

⁵ Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее
враги (1780—1790). СПб., 1907. С. 25.

⁶ Зеркало света. СПб. 1786. № 41. С. 84.

⁷ Известие для статистики Богемской // Политический журнал. М. 1790. Ч. I.
С. 27—28.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Политический журнал. М. 1791. Ч. VII. С. 107—108.

¹⁰ Зеркало света. СПб. 1786. № 51. С. 342.

¹¹ Политический журнал. М. 1791. Ч. VII. С. 106.

¹² Там же.

О. И. ХАНКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РИМСКИХ КОНЦИОНЕС

Согласно античным источникам, носителем верховной власти в римском государстве считался народ — популюс романус, т. е. совокупность полноправных римских граждан¹. Народ осуществлял свои права через собрания — комиции. Рим эпохи Республики знал, как известно, три вида народных собраний, проходивших по куриям, центуриям и трибам. Общей чертой всех этих собраний было то, что на них в голосовании участвовали искусственно созданные социальные группировки. Каждая из них имела один общий голос, складывавшийся из большинства индивидуальных голосов данного объединения. Результат же голосования определялся подсчетом голосов всех группировок.

Римские собрания формально стояли выше магистратов, так как последние избирались ими. Внешним знаком этого превосходства служило то, что должностные лица, наделенные высшей властью (империем), появлялись перед народным собранием с опущенными фасциями (пучки прутьев с топором). Однако на практике римский народ был лишен возможности действовать самостоятельно, и на народных собраниях инициатива всецело принадлежала магистратам. Решения комиций, например, не могли иметь официальной силы без объявления магистрата об их сборе и без его личного присутствия (Гелл. XV, 27, 4; X, 20, 8).

Направленность против всякой народной инициативы обнаруживается и в процедуре принятия решений. Собрание могло рассматривать только те вопросы, которые предварительно были предложены магистратом. При чем дела, требовавшие формулированного решения, предлагались в виде готовых, заранее составленных проектов, которые народ мог одобрять или отвергать, но не изменять или дополнять. Предложение проектов получало поэтому форму вопроса «Вос рога, квиритес», а утвердительный ответ состоял из слов «ути рога», т. е. «как ты (магистрат—О. Х.) предлагаешь»².

Возникает вопрос, где же обсуждался выносимый на голосование собранием законопроект (рогация) и как это происходило? Вот что пишет об этом Авл Геллий: «Одно дело «вести переговоры с народом», другое — «держат концио»; так как «вести переговоры с народом» означает спрашивать мнение народа путем голосования, то «держат концио» — значит обращаться к народу с речами, без какого-либо голосования (XIII, 16, 2—3). Г. Зибер и Л. Р. Тейлор полагают, что римское концио было пережитком более древних форм собраний, члены которых не голосовали, а выражали свое мнение криком. В исторический период, по мнению этих ученых, функции комиций и конционес были строго разграничены. Первые из них выполняли функции собственно собраний, вторые — совещаний³. Римские писатели почти всегда различают эти понятия⁴. Греческие же авторы встречались с трудностями при толковании термина «концио», поскольку в Греции не существовало четкой грани между собраниями для дебатов по законопроекту и собраниями для голосования по нему. Поэтому Плутарх и Аппиан часто превращали их в «экклесиа», т. е. нерасчлененное собрание как для дебатов по законопроекту, так и для голосования по нему⁵. Полибий, долго проживший в Риме и бывший очевидцем интересующих нас событий, избегал употребления слова «концио» при описа-